

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 3
volume 3**

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

**Санкт-Петербург
1993**

Заметки к юбилею Бориса Львовича Рифтина

М. В. Баньковская

В дополнение к помещённым выше оценкам учёных коллег Бориса Львовича и внушительной библиографии его печатных трудов хочу поговорить о нём, как о человеке действительно немислимом, невообразимом в отрыве от его научных дел. Я не китаист, но, как мне кажется, заработала право считать себя в какой-то мере к китаистике причастной: в разные годы мне удалось подготовить к печати четыре по-смертные книги моего отца, В. М. Алексева, и опубликовать целый ряд статей о нём, его соратниках и учениках. Борис Рифтин - один из самых поздних студентов Алексева, ставший, несмотря на "опоздание", одним из лучших учеников. Нашему знакомству с Борисом Львовичем набегало уже сорок лет, и это не только доброе знакомство, но и сотрудничество, хотя и эпизодическое, но, как говорится, результативное. Мне есть что вспомнить и есть за что благодарить.

Поступив в ЛГУ осенью 1950-го, Б. Рифтин застал последние месяцы угасающего Алексева. После смерти Василия Михайловича, в его библиотеку (в квартире академического дома на набережной) стали приходиться по вечерам, читать, заниматься до поздней ночи два студента - Боря Рифтин и Володя Семанов. При виде их юного усердия невольно думалось о том, как рад был бы хозяин кабинета, недавно его покинувший, наблюдать это новое продолжение - наследование того главного для деятеля науки свойства, которое он называл серьёзностью научного энтузиазма.

Б. Л. Рифтин не только воспринял и плодотворно развивает одно из самых дорогих сердцу Алексева направлений - исследование китайского фольклора в общем комплексе китайской культуры, но оказался одним из самых энергичных пропагандистов его трудов, и я прежде всего хочу сказать об участии и роли Рифтина в посмертных изданиях Алексева.

Первым таким изданием стала книга Алексева о путешествии 1907 г. по Северному Китаю ("В старом Китае". М., 1958). Кроме путевых дневников мною были привлечены все относящиеся к теме материалы, в том числе и иероглифические, в переводах которых приняли участие многие ленинградские китаисты. Рифтина среди них не было, но роль его в самой судьбе этой книги оказалась впереди: в 1989 г. в ГДР вышло нарядное, богато иллюстрированное немецкое издание "China im Jahre 1907" (Leipzig, Weimar: Gustav Kiepenheuer Verlag). Этим своим вторым рождением книга обязана прежде всего Борису Рифтину, тому его организаторскому мастерству, которое я называю "научным сватовством". Научная предприимчивость прямо-таки закодирована в нём, замыслы новых книг и разных начинаний рождаются постоянно, он способен держать в памяти не только относящееся к избранным им темам, но и к темам "чужим", - помнит о них и в нужный момент "сватает": уговаривает, убеждает, организует. (Думаю, он сам вряд ли может теперь считать все те книги, статьи, разработки, которые так или иначе обязаны его инициативе).

В 60-70-е годы в ГДР перебивали многие наши китаисты, и редкий из них не встречался, не беседовал с синологом Зигфридом Берзингом, общению с которым немало способствовал его прекрасный, в дореволюционной, так сказать, сохранности (он окончил русскую классическую гимназию) русский язык. С Берзингом знакомилась все, но одному лишь Борису Рифтину пришла счастливая, но отнюдь не случайная, мысль "сосватать" ему для немецкого перевода книгу "В старом Китае". За всю историю переводов научной литературы вряд ли наберётся много примеров столь полноценного, достоверного и любовного воссоздания текста оригинала, как этот перевод. Кроме того, немецкое издание, помимо недосыгаемой для нас полиграфии, отличается несравнимо большим и лучшим подбором иллюстраций - фотографий из коллекций Алексева с обстоятельными, интересными не только синологам, подписями к ним, - всё это заслуга Б. Л. Рифтина.

После выхода немецкого издания Рифтин продолжает "сватать" книгу дальше: в Риме над переводом трудится китаистка-итальянка, за перевод взялся и, дай-то

Бог, не бросит профессор Пекинского университета Ли Мин-бинь. Знаю, что у Бориса Львовича есть ещё заманчивая идея подбить на перевод кого-нибудь из французских востоковедов: ведь, не считая самого Алексеева, главное действующее лицо книги - профессор Коллеж де Франс Эдуард Шаванн.

*"Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях" - сборник статей Алексеева, вышедший в 1966 г., самым фактом своего существования обязан прежде всего Б. Л. Рифтину. После издания книги "В старом Китае" я считала свою работу с отцовскими рукописями как будто бы законченной. Скорей всего, так бы и было, если бы не Борис Рифтин с удивительной его способностью уговаривать. И снова завертелось колесо, снова я зачастила в Архив АН - выкапывала из отцовского фонда всё, что касалось китайских лубков. Ныне эта красивая книга, оформленная Л. П. Сычёвым, оснащённая комментариями и указателями Б. Л. Рифтина, стала уже библиографической редкостью. Трудности забываются, но толстая кипа рифтинских писем начала 60-х годов - одно из наглядных свидетельств того, скольких усилий и времени требует делание книги, даже если это как будто уже готовая - из написанных статей и заметок - книга.

"Китайская литература" (М., 1978) - сборник избранных трудов Алексеева, в котором Рифтин непосредственного участия не принимал, но тем не менее и тут не обошлось без его благотворного вмешательства: к подготовке издания был им привлечён ("сосватан") В. В. Петров.

С врождённой предприимчивостью связано, мне кажется, и другое свойство Бориса Рифтина - шерлокхолмсовский талант. Стараясь поощрить, развить в своих учениках это свойство, Алексей говорил: "Китаист должен быть хорошим следопытом. Шерлок Холмс был бы неплохим китаистом". Борис Рифтин это пожелание оправдал полностью, на него, как зверь на ловца, бегут находки - часто то, что лежало неведомо у всех под боком. Однажды он на моих глазах извлёк из шкафа в китайском кабинете Эрмитажа фотографии из коллекции Н. И. Гомбоева - к великому изумлению сотрудника-тибетолога, много лет мимо этого шкафа ходившего по несколько раз в день.

Следопытская одарённость Б. Л. Рифтина обрела недавно особо наглядное, красивое и, можно сказать, триумфальное воплощение: в нашу небогатую сюрпризами (без кавычек) жизнь явился истинный сюрприз - уникальный альбом "Редкие китайские народные картины из советских собраний". Издательство "Аврора", Ленинград - Издательство "Народное искусство", Пекин".

Это - альбом редких картин, т. е. тех, что не лежат на поверхности общеизвестных уже коллекций, а должны были быть отысканы - открыты. Так и было: к адресам известных собраний розыски Б. Рифтина добавили добрый десяток адресов музеев, библиотек, частных домов Москвы (например, в Музее революции нашлось около ста лубков, привезённых ещё в 1904 г.), Петербурга (в ГПБ оказались лубки, возможно, собранные В. В. Стасовым), Казани (в Казанском университете - 50 редких картин, каких нет в Китае), Иркутска (в областном музее нашлись лубки, привезённые в 1883 г.), Омска, Тбилиси. Отборанные для альбома образцы далеко не исчерпывают весь фонд редких картин, а поиски ещё продолжаются. Рифтину известны собрания в Риге, Одессе, Саратове, Киеве, Смоленске, Вильнюсе. Многие коллекции, особенно частные, затерялись, но, можно надеяться, Б. Л. Рифтин ещё сумеет их выследить.

"Научный сыск" продолжается. Об этом свидетельствуют письма Бориса Львовича с Тайваня, где он сейчас находится и где, несмотря на невероятное множество самых разных занятий, умудряется помнить о всех оставленных дома делах и проектах. "А есть клады, - пишет он, - которые я не нашёл до сих пор. В каких-то тезисах о лубках В. М. (Алексеев) упоминает московскую коллекцию Музея народоведения - лубки о боксёрском восстании. Где они? Никто про такой музей не знает". В другом письме: "Я нашёл, видимо, первое описание китайских лубков в России - в журнале "Сын отечества" за 1839 год... Надо будет написать об этом когда-нибудь".

Книги, подобные рифтинскому альбому (так его сразу же стали называть), родятся, как известно, от любви. Любовь видна всюду - не только к самому китай-

скому лубку, но и ко всем руку к их собиранию приложившим. В предисловии Б. Рифтина благодарно рассказано о далёких от китаистики собирателях китайской народной картины, обративших внимание на диковинные яркие листки из одного лишь бескорыстного любопытства (коему столь многим обязана вся вообще культура человеческая), покупавших, благо стоили гроши, и увозивших их в свои российские города. А так как всё в нашем мире связано, всё варится в общем котле - прекрасное и низкое, доброе и злое, то и в такой, казалось бы, далекой от исторических катаклизмов обетованной области как китайская народная картина вдруг встречаешь рассказ о судьбе китаянки, собиравшей произведения народного искусства, в том числе и лубки: коллекция была уничтожена хунвэйбинами, собирательница покончила с собой. Несколько спасённых случаев картин нашли теперь приют в альбоме.

Отступая от обязательной сюжетной линии, Б. Рифтин в своём предисловии также говорит об интересных реакциях на китайский лубок наших художников - И. И. Машкова, П. П. Кончаловского, М. Ф. Ларионова. Не вина Бориса Львовича, что из этого ряда выпало имя замечательного графика Д. И. Митрохина - книга о нём (Худ. РСФСР, Л., 1986), в которой помещена его переписка с В. М. Алексеевым, свидетельствующая о его интересе к лубочным картинам, появилась в продаже слишком поздно.

Альбом лежит у меня на столе как надёжный источник положительных эмоций. Но не могу взять в руки эту дивную, прекрасного формата, тяжёлую - весомую - книгу, не увидев ясно, как взял бы её в руки мой отец. На протяжении всей своей научной жизни он неустанно, из года в год добивался - предлагал, хлопотал, пропагандировал - издания альбомов китайской народной картины в красках и с исследовательскими описаниями, общих больших (свыше двух тысяч воспроизведений) и отобранных тематически (например, "Ребус в китайской народной картине"). Всё было тщетно.

Легко представить, в какое волнение привел бы Алексева этот альбом. С благодарностью прочёл бы он в предисловии Б. Л. Рифтина свою биографию собирателя-исследователя лубочных картин, был бы рад встретить картины из своих коллекций в цветовоспроизведении, о котором он не мог мечтать, но более всего, думаю, был бы радостно изумлён множеству тех, что прошли мимо него - или он мимо них, а теперь открыты - отрыты его учеником! Это он оценил бы, как никто другой, завидовать он не умел - умел аплодировать.

Когда-то давно Алексеев писал Д. И. Митрохину по поводу своего доклада "Из моих коллекций китайского лубка": "Я понемногу прилипаю к коллекционерам, отлипая от инертных и апатичных восточников, которые не понимают коллекционера, каковым являюсь я. Количество для них - не качество, а для коллекционера оно обязательно, ибо иначе не получить типа, а только случайность... Я верю, что из коллекционеров изойдут вдумчивые ценители и масс, и типов". Шёл 1949-й год, будущий коллекционер и вдумчивый ценитель Боря Рифтин готовился к поступлению в университет.

Коллекционер и исследователь сочетаются в Б. Рифтине, не тесня друг друга. С гордостью показывал он мне свою ещё не великую числом, но очень интересную коллекцию, и когда доставал из шкафа и любовно развёртывал на столе яркие листы, я, конечно же, вспоминала своего отца. Всё на свете повторяется, и, бывает, это - прекрасно. "Привёз фото лубков из собрания В. М. Подражая ему, использую на лекциях", - пишет Борис Львович с Тайваня.

В нарядной книге-альбоме Бориса Рифтина сокрыты, кроме всем очевидного огромного труда, и невидимые миру трудности, а может быть, и слёзы. Предприимчивость и энтузиазм не раз и не два натыкались на всё ту же стену необъяснимого равнодушия, о которую разбивались завлекательные проекты Алексева. На всё ещё не изжитое сопротивление "китайщине" порой натыкаюсь и я, "угощая" знакомых рифтинским альбомом: вместо привычных естественных восторгов вдруг с удивлением встречаю глухоту, даже у людей вроде бы имеющих вкус к искусству. Для правильного восприятия искусства, литературы, всей вообще культуры Китая, как о том постоянно твердил Алексеев, нужны предпосылки знаний. Но наше образование их не даёт, а взрослый, начинённый своими европейскими мерками человек

допустить в этот свой набор других мерки чаще всего не хочет - и шарахается от "китайщины". Что ж, тем важнее роль таких книг, как этот редкий по совершенству альбом редких народных картин. Красота - лучший посредник между чужими, но не чуждыми культурами.

Шерлокхолмсовские таланты Бориса Рифтина не замыкаются, конечно, на лубках и прежде всего касаются книг. В статье о своём университетском учителе и одновременно товарище В. В. Петрове (Петров был всего на три года - три курса старше), опубликованной в только что вышедшем в издательстве Центра "Петербургское Востоковедение" сборнике ("Точность - поэзия науки"), Рифтин касается двух особо близких его сердцу сторон деятельности Петрова: книгособирания и библиографирования. Рассказывая о том, как вдохновенно охотился Петров за нужными книгами в Китае, Рифтин невольно говорит и о самом себе: "Помню, как однажды в книжном магазине я углядел сквозь неплотно прикрытую дверь, ведущую в отдел, в который иностранцев не пускали, нужный мне роман..." Нюх на китайские и китаеведные книги у обоих китаистов-следопытов всегда представлялся мне доведённым до какого-то мистического совершенства, способности учуять интересную книгу, даже если она запихнута в задний ряд на верхней подпотолочной полке.

Так же близка и, можно сказать, автобиографична и вторая тема в статье Рифтина: "Неутомимый библиограф всегда был в нём начеку", - пишет он о Петрове. Библиограф не дремлет и в нём самом. Это видно по письмам Бориса Львовича с Тайваня: "Всё доделываю библиографию по мифологии. Сегодня опять нашёл неучтённые корейские статьи...", "Вот теперь, когда кончил библиографию по мифологии и увидел, сколько в мире написано, вот теперь бы начать писать. Увы, 60 лет скоро... всё время вспоминаю Витю".

Из рук Петрова перенял Рифтин заботу - слежение за всё продолжающимися выплывать на поверхность неучтёнными печатными работами Алексея и рецензиями на них. В прошлом году в серии библиографий учёных вышла долгожданная (почти полвека!) "Библиография В. М. Алексея". Сотрудники ИНИОН, полностью использовав опубликованную в двух частях (1972, 1983) прекрасную аннотированную библиографию, составленную Петровым, не нашли нужным сохранить на титуле его имя. Рифтин пытался восстановить справедливость, но тщетно. Однако для Петрова существенней его имени на титуле была полнота библиографии, и тут розысками Рифтина добавлено много. Даже теперь, после выхода "Библиографии" он не оставляет привычку неукоснительно записывать всё "новые" данные из старых журналов. "Вчера-таки нашёл большую японскую рецензию на "Китайскую народную картину", о которой я говорил много лет. Её автор Kato Kyuzo". В том же письме: "Нашёл в японском журнале рецензию 1935 г. на монографию Невского о цоу, перевод которой здесь сейчас издаётся. М. б. удастся добавить в приложении", - библиографическое слежение Б. Л. Рифтина имеет большой диапазон.

Вообще, тайваньские письма Бориса Рифтина дают обильный материал для этой юбилейной заметки. Мне его не исчерпать, но кое-чем не могу не поделиться. В первом же, написанном сразу же по приезде из столичной Москвы в провинциальный тайваньский город Синьчжоу (Новый Бамбук), член-корреспондент нашей Российской Академии в радостном изумлении восклицает: "Дали кабинет на факультете. Ура! Никогда не было у меня кабинета... Прекрасные условия для работы... Главное - очень спокойно..." Но - не без трудностей, и, как ни странно, бюрократических накладок: "С собой приволок 30 кг книг, 50 кг идут почтой. Здесь ни одной русской книги нет. Книги, изданные в КНР, на дом не дают, на них наклейка "тэ" ("Спец"/хран?/)... Вообще, кручусь как дома, расходы не укладываются в статью... Всюду надо выкручиваться (деньги на самолет - пожалуйста, а шофёру на бензин - нет)... Тем не менее, кроме чтения трёх курсов, на которые он приглашён ("Троецарствие", "Китайский фольклор и традиционная проза", "Советское китаеведение"), Б. Л. Рифтин читает уйму лекций в разных университетах: "Приглашений много... Развиваю деятельность".

Но это далеко не всё. По примеру и следам Николая Александровича Невского Рифтин разработал и теперь руководит программой "Собирания и сравнительного изучения аборигенов Тайваня". Провёл несколько дней на севере острова у

народа северных бунун, собирается к южным. Записано 30 текстов мифов (невероятных, трогательных и ужасных) и "уже видится книга, вроде сборника дунганских сказок: Предисловие + тексты на языке бунун латиницей + перевод на китайский + комментарий со сравнением сюжетов + словарь. На всю программу дано 50 тысяч ам. долларов (не мне, конечно, мне только скромные суточные + самая рядовая гостиница в райцентре), но книгу издать - хватит". Хватит ам. долларов, а хватит ли времени и сил? В письме от 27 октября: "Деньги на соби́рание бунунских сказок надо истратить до февраля, т. е. соби́рание, подготовка текстов, перевод на китайский, исследование сюжетов и издание книги".

Несмотря на этикие программы, от насыщенности и напряжённости которых делается как-то даже не по себе, Борис Рифтин продолжает оставаться верным своим привычкам-принципам. Так, с новой силой развернулось его "научное сватовство", но об этом чуть позже, а сейчас - о том, что первым бросается в глаза: "Пока ездил и слушал на непонятном языке мифы бунун (потом следовал устный перевод), голова работала над тем, как помочь всем вам и делу". В своей статье о В. Петрове Б. Рифтин отметил как очень существенный момент: "В Китае Петров не забывал об интересах своих товарищей по университету". Вот и ещё одна несомненная общность: чуть ли не в каждом письме из Тайваня я нахожу новый пример той самой цеховой поруки - обязательности перед коллегами, которую привыкла встречать в отцовских бумагах и которую постоянно видела в Викторе Петрове. Среди разных информационных проскользнуло признание: "Беготня по цеховым делам требует времени и денег (каждая поездка в Тайбэй - день и примерно 8 долларов США + стояние в очереди к автобусу - человек 150-200, час и более). Езда в один конец 1 ч. 20 м." А в письме от 27 октября впервые почувствовалась и усталость: "В начале я как-то смотрел на всё оптимистично, а теперь не совсем так. Бюрократизм тут ужасный. Дел уйма. Устал. А дела не делать нельзя... Вообще все смотрят на меня как на чудака, который бегаёт по чужим делам".

По письмам Бориса Львовича я могла бы составить целый список тех, кому он уже помог или старается помочь информацией, книгами, налаживанием контактов и т. д., но скажу лишь о той общей информации, касающейся самых разных событий нашей науки, которой он занимается постоянно и которая, сама по себе, уже помощь коллегам и всему делу. Не упуская случая, он публикует в "Вестнике Синологического центра", член-корреспондентом которого он является, заметки о "Библиотеке китайской литературы", "О письменных памятниках и проблемах культуры Востока (ЛО ИВАН)", о "Хун лоу мэн" в Санкт-Петербурге" и т. д. В "Чжунго шибао" опубликованы его статьи о столетии Невского, столетии Скачкова, об Алексееве, особо - о погибших в годы террора Н. А. Невском, Ю. К. Щуцком, Б. А. Васильеве. Следовало бы выписать из писем всё, что Рифтин успел или собирается опубликовать, но останавливает количество.

Теперь что касается "сватовства". В письмах Бориса Львовича то и дело: "пробиваю", "пытаюсь пробить..." Например: "Пробиваю русское издание красочной серии брошюр "Китайская культура" - московские издательства хотят сотрудничать", - пишет Рифтин, а я думаю, как всё снова повторяется: о такой же серии мечтал Алексеев и тоже пытался пробить... Но дальше следует то, что Алексееву в голову не могло бы прийти: "Мы переводим, у нас набирают, а Тайбэй печатает и везёт тираж морем".

"Надо максимально использовать моё пребывание здесь и связи со всякими фондами", - пишет Борис Львович. Среди множества задуманных им проектов научных изданий, которые в условиях нашего времени не осуществимы без финансовой помощи какого-либо международного фонда, есть и касающиеся трудов Алексеева. Первый и самый "увесистый" проект - издание переводов китайских антологий, сделанных Алексеевым полвека назад в годы войны и до сих пор целокупно не напечатанных: из 280-ти переведённых им произведений "гу вэнь" в настоящее время опубликована примерно треть. Этот проект-задумка Бориса Львовича заставляет его и меня вспомнить 1981 год, когда мы готовили к печати (для журнала "Проблемы Дальнего Востока") шесть образцов-переводов Алексеева из ханьской прозы. Я с радостью вспоминаю наши сиденья над трудными для русского читателя

- "тёмными" - местами. Могу сказать, что мне посчастливилось не раз наблюдать работу мастеров-переводчиков китайского классического текста. Помню по-особому сосредоточенное, сфокусированное на иероглифическом листе лицо отца, отгороженное от нашей суеты стопами словарей. Много раз я следила заворожено, как в поисках-дознании точного смысла "поржал" по полкам, выхватывая словарь за словарём, Виктор Петров. Оказываясь время от времени в кабинете-мастерской Бориса Рифтина, всякий раз вижу эту же знакомую картину и люблю её, отмечая про себя ещё один общий для всех мастеров синологического перевода момент: не боязнь сознаться в том, что какое-то место, выражение, слово до конца не понятны. "В голосе моём нет железа", - говорил в таких случаях Петров. "Нет, тут я всё-таки не уверен, надо ехать к Льву Залмановичу", - говорил Рифтин, и сеанс вдохновенного и мучительного сражения с загадкой-загвоздкой головоломного древнего текста продолжался в кабинете Эйдлина... Теперь, напомнив в письме об этих, отошедших в прошлое стараниях, Борис Львович разрабатывает план опубликования не шести, как тогда, а всех 280-ти произведений. Опасно в наши дни загораться надеждой, и всё же - за одно это загорание я уже благодарна Борису Львовичу.

Другой проект, касающийся Алексеева - той же "весовой категории": издание альбома китайских лубочных икон из его коллекции, переданной им в 1938 г. в Музей истории религии (МИР). Выше я говорила о том, чему была свидетелем: как много сил вложил Борис Рифтин в альбом редких картин и какие, что называется, накладки встретились на пути. Казалось бы, после такой страды должна была бы пропасть охота братья за нечто подобное. Но - в первом письме из Тайваня: "Пытаюсь подбить местное издательство на альбом лубков из "Троецарствия"...". А теперь - того пуще, и снова совместное издание, на этот раз с тяньцзиньским издательством "Народное искусство": сто пятьдесят лубочных икон с большим исследовательским текстом. Комментарии-описания можно сделать очень интересными, - пишет Борис Рифтин, и в этом не приходится сомневаться, помня его статьи в великолепной двухтомной энциклопедии "Мифы народов мира", без которой вряд ли кто-нибудь из нас может теперь обойтись. Нет занятия отраднее, чем задумывать новые хорошие книги, а Борис Львович задумывать умеет. Лишь бы не споткнулся его энтузиазм о разные и многие пороги.

В этих заметках к юбилею я юбилейного тона старалась избегать, так как твёрдо знаю: разговор по делу наш юбиляр предпочитает всем прочим, дело ему никогда не надоедает, он от него не устаёт. Этим объясняется, мне кажется, ещё одно, очень мною ценимое свойство Бориса Рифтина - его иммунитет к тому, увы, весьма распространённому среди синологов недугу, которому Алексеев дал название *odium sinologicum*. Я никогда не слышала от Бориса Львовича сплетен и пересудов, его можно смело спрашивать о любом коллеге, не боясь услышать злую шпильку. Разного рода пикантности в характеристике учёного деятеля ему просто неинтересны. Борис Львович Рифтин - из тех счастливых, которым на свете всего милее их собственное дело - их наука. И она отвечает им взаимностью.